81
598.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

ЭБ

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

И 292/622

2007041007

81/598.

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

1850-45

БІБЛІОТЕКА ... АКАДЕМІЇ

ПОГАШЕНО

КЪ ИСТОРІИ ИЗУЧЕНІЯ ВОПРОСА

ОБЪ ИНОСТРАНЦАХЪ ВЪ РОССІИ. *)

Подобно всѣмъ культурнымъ народамъ міра, Русскіе въ своемъ продолжительномъ историческомъ ростѣ испытали много измѣненій и внѣшнихъ вліяній, такъ или иначе отражавшихся на складѣ ихъ жизни. Главное значеніе между послѣдними по праву принадлежитъ измѣненіямъ, совершившимся въ эпоху Преобразованій; крутыя реформы той поры до того перемѣнили обликъ русской государственной и общественной жизни, что, казалось, при этомъ порвались связи новой Россіи съ прежнимъ Московскимъ государствомъ, и въ самой исторической наукѣ принято считать данныя преобразованія раздѣломъ нашей отечественной исторіи на два періода, древній и новый. Изученіе смежныхъ эпохъ, между тѣмъ, мало-по-малу открываетъ, что мнѣнія о раздѣльности, тѣмъ болѣе о „разрывѣ“ или „пропасти“ между ними слѣдуетъ признать не соотвѣтствующими дѣйствительности. Преувеличенныя сужденія возникли въ періодъ упорной партійной борьбы между приверженцами старины и сто-

*) Изъ рѣчи, произнесенной въ Харьковскомъ университетѣ предъ защитою докторской диссертаціи „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи Преобразованій. Историческое изслѣдованіе“ (М. 1890 г., VIII + 782 + II стран.). Срав. также нашъ отчетъ: „По поводу статьи проф. Д. И. Багалѣя“ о данномъ изслѣдованіи (Варш. Университетскія Извѣстія, 1891, № 4; и отдѣльно).

ронниками реформы и, какъ отголосокъ прошедшаго, перешли и въ литературу, и въ науку. Коренного различія между старою и новою Россіею на самомъ дѣлѣ не существовало; органическая связь здѣсь не была нарушена; реформы во многомъ подготовлялись издавна, и на бурную эпоху Преобразованій выпалъ процессъ по преимуществу необыкновенно быстраго и наиболѣе полнаго осуществленія различныхъ потребностей и завѣтныхъ цѣлей и стремленій, зародившихся задолго до нея, и попытокъ и опытовъ, не разъ производившихся и ранѣе. Но эти связь и преемственность все еще скорѣе у насъ чувствуются, нежели понимаются на основаніи точныхъ и разнообразныхъ историческихъ данныхъ. Реформы продолжаютъ еще ослѣплять наблюдателей своимъ яркимъ блескомъ, затрудняя правильный взглядъ на предыдущую историческую эпоху и на оставленное ею культурное и матеріальное наслѣдіе. Московскій періодъ и даже XVII вѣкъ обыкновенно представляются временемъ субъективнаго, строго замкнутаго національнизма.

Неуспѣшность возстановленія органической связи, нѣтъ сомнѣнія, обусловливалась много тѣмъ, что въ исторической наукѣ не былъ выдвинутъ на надлежащее мѣсто одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ элементовъ реформы и не было раскрыто, какъ и изъ чего онъ слагался и каково было отношеніе къ нему въ періодъ предшествующій. Реформа, сущность которой состояла во введеніи Россіи въ кругъ западно-европейской системы и жизни, совершалась подъ сильнымъ вліяніемъ Запада, и уже по этому одному на долю иноземцевъ-выходцевъ съ Запада должна была выпасть важная роль. Отсюда получаетъ серьезное научное значеніе вопросъ объ этихъ иностранцахъ не только за эпоху Преобразованій, но и за эпоху предшествовавшую ей. Безъ тщательнаго изученія его мы постоянно будемъ впадать въ неточности и находиться въ недоразумѣніяхъ: сочтемъ многое въ русской жизни за свое, тогда какъ оно было получено нами со стороны; или будемъ считать занесеннымъ чрезъ жившихъ у насъ иностранцевъ, между тѣмъ какъ оно окажется не соотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ силамъ и свойствамъ этихъ людей; будемъ считать иное явившимся позднѣе и какъ бы вдругъ по волѣ и манію Преобразователя, тогда какъ это было уже давно и своею суммою фактовъ создало и умѣлыхъ людей, и извѣстную традицію. Напротивъ того, точное изученіе вопроса объ иноземцахъ и объ отношеніи къ нимъ и къ западно-европейской культурѣ московскихъ людей мо-

жетъ опредѣленнѣе указать происходившія измѣненія въ русской жизни и тѣмъ уяснить почву и корни соотвѣтствующихъ реформъ послѣдующаго времени.

Такъ, мы видимъ, напримѣръ, что въ эпоху Преобразованій культурное достояніе Запада бралось главнымъ образомъ изъ сѣверной, германо-протестантской Европы, члены которой были и главными посредниками въ передачѣ этихъ достояній; и что изъ самыхъ протестантовъ численно преобладали въ военно-служиломъ классѣ выходцы нѣмецкихъ государствъ, а голландцы удерживали преимущества въ торгово-промышленномъ дѣлѣ. Затѣмъ вниманіе изслѣдователя невольно останавливаетъ то, что Преобразователь, при всей своей порывистой и не знавшей ограниченій натурѣ, всѣхъ посторонніхъ пособниковъ признавалъ не болѣе, какъ инструкторами, орудіями для достиженія практическихъ цѣлей, и сущность реформы ставилъ не въ измѣненіи народно-государственныхъ основъ, но въ поднятіи экономическаго благосостоянія и усиленіи культуры путемъ усвоенія плодовъ западно-европейской гражданственности и образованія; въ своихъ конечныхъ задачахъ его реформы были далеки даже отъ простаго космополитизма, и въ нихъ наблюдалось, чтобы прямыя выгоды повсюду доставались русскимъ людямъ, Русскому государству.

Но все это, въ своей основѣ, не было непосредственнымъ дѣломъ Петра, ни созданіемъ вообще эпохи Преобразованій. Изученіе предыдущаго времени обнаруживаетъ, что вѣковая практика Московскаго государства въ культурномъ сближеніи съ Западомъ, поддерживаемая складомъ западной жизни, предрѣшала, какими свойствами должна отличаться реформа и кѣмъ изъ западно-европейцевъ должно преимущественно пользоваться въ ея проведеніи; составъ иноземныхъ пособниковъ во многомъ былъ подготовленъ, выработанъ и указанъ предшествующимъ временемъ, создавшимъ у насъ соотвѣтственныя съ этимъ связи и вліятельныя иноземческія группы; вліятельнѣйшіе первые иноземные учителя Петра явились въ Россію и завили себѣ гнѣзда еще задолго до воцаренія Петра, при его отцѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Преслѣдуя свои историческія задачи, московскіе люди думали и старались о томъ, чтобы получить извнѣ недоставшее имъ и пріобрѣсть практическое умѣнье, которое способствовало западнымъ людямъ въ устройствѣ ихъ благосостоянія. Національная жизненность и сила Московскаго государства, обнаруживавшіяся съ од-

ной стороны въ борьбѣ съ Азіей, собираніи восточно-европейской и сѣверно-азіатской земель въ одно политическое цѣлое и въ усвоиваніи достоянія Византіи, проявились, съ другой, въ тяготѣніи къ тому образованію, которое развивалось на Западѣ въ тяжкій періодъ нашей невольной задержки и полученіе котораго представлялось для насъ необходимымъ. Оттого еще задолго до Петра иностранцы должны были помогать удовлетворенію нарождавшихся политико-экономическихъ и культурныхъ потребностей и вмѣстѣ съ тѣмъ подготовлять изъ природныхъ русскихъ практически знающихъ и умѣлыхъ лицъ, которыя бы потомъ съ успѣхомъ могли замѣнять иностранныхъ пособниковъ. Даже частности, гдѣ и какъ примѣнялись у насъ иноземцы въ эпоху Преобразованій, ихъ трудъ и знанія, находятъ себѣ нерѣдко прямое повтореніе того, что́ было въ Московскую пору.

Вѣрное раскрытіе культурной дѣятельности чужеземцевъ возможно, конечно, только послѣ ближайшаго ознакомленія съ ними. Подобно тому какъ нельзя безошибочно судить о слѣдствіи не зная причины, такъ точно трудно говорить о дѣятельности, когда напередъ не знаемъ самого дѣятеля. Такимъ образомъ въ русской исторической наукѣ долженъ былъ народиться вопросъ о самихъ иноземцахъ и условіяхъ, при которыхъ они дѣйствовали. Возникала надобность узнать, что́ это были за чужіе люди, которые жили въ Московскомъ государствѣ и западали въ него, изучить ихъ свойства и качества, занимаемое ими у насъ положеніе, ихъ бытъ общественный и частный, церковный и гражданскій, ихъ интересы, взаимныя отношенія и сферы соприкосновенія ихъ съ мѣстнымъ православно-русскимъ населеніемъ. Требовалось выяснить взглядъ на нихъ правительства и различныхъ классовъ русскаго общества, равно какъ и то, почему отдавалось у насъ преимущество протестантамъ предъ католиками и изъ самыхъ протестантовъ—той или иной группѣ ихъ; проследить, въ какой мѣрѣ подчинялись эти чужіе люди мѣстному вліянію и какія измѣненія производили въ жизни соприкасавшихся съ ними русскихъ людей; указать, что́ въ русскомъ бытѣ подлежало перемѣнамъ и что́ служило прочнымъ устоемъ его, и какъ, держась на твердой почвѣ этихъ устоевъ, рѣшали русскіе люди новые возникавшіе въ жизни національно-политическіе, религіозные, культурные, соціальные и другіе вопросы. Изслѣдованіе этой стороны предмета невольно освѣтитъ также многія важнѣйшія стороны религіозной и общественно-госу-

дарственной жизни православныхъ русскихъ людей и дастъ почувствовать значеніе и сущность нашихъ культурно-историческихъ началъ, въ отличіе отъ таковыхъ Западной Европы.

Непосредственная дѣятельная роль въ предѣлахъ самостоятельнаго Русскаго государства, за разсматриваемый періодъ, принадлежала не всѣмъ иностранцамъ въ одинаковой мѣрѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ подмѣтили вѣроисповѣдную и національную рознь между пришельцами, т. е. со времени Грознаго, полный перевѣсъ былъ на сторонѣ лицъ германскаго племени, принадлежавшихъ къ протестантскому вѣроисповѣданію. Въ нихъ была усмотрѣна большая близость къ тому идеалу, который намѣтили у насъ относительно иностранца: иноземецъ долженъ былъ удовлетворять практическимъ нуждамъ страны, не нанося ущерба ея существеннымъ основамъ и традиціямъ, поэтому въ интересахъ правительства было наблюдать, чтобы посторонніе люди не вредили русской вѣрѣ, русскимъ нравамъ и крѣпнувшему единодержавію. Собранные изъ различныхъ мѣстъ, главнымъ образомъ сѣверо-западной Европы, лишенные такого руководителя, какой имѣлся у католиковъ въ лицѣ папы и іезуитовъ, протестанты не могли вести систематической пропаганды ни въ сферѣ религіозной, ни въ сферѣ политической, и, въ силу особенностей своего вѣроученія, менѣе католиковъ должны были ревновать о вѣроисповѣдной пропагандѣ, а стоя въ сторонѣ отъ литовско-польскаго дѣла, слишкомъ тогда еще тяжелаго для насъ, казались менѣе опасными для правильнаго теченія и развитія и нашей государственной жизни. Они вскорѣ вполнѣ превзошли своихъ соперниковъ количественно и въ вѣроисповѣдныхъ и гражданскихъ льготахъ; завели у насъ прочную осѣдлость и входили съ русскими людьми въ многоразличныя дѣловыя и частныя сношенія, между тѣмъ какъ католикамъ на долгое время совсѣмъ былъ затрудненъ потомъ доступъ въ предѣлы Московскаго государства, и, за исключеніемъ Смутной эпохи, о католической общинѣ въ Москвѣ почти совсѣмъ не было слышно вплоть до періода присоединенія Малороссіи и нашихъ наступательныхъ войнъ изъ-за нея въ предѣлы тогдашнихъ польскихъ владѣній.

Историческая важность вопроса о протестантствѣ и протестантахъ и служитъ объясненіемъ, что мы избрали его предметомъ для своего спеціальнаго историческаго изслѣдованія; къ этому побуждали насъ также и состояніе его въ русской исторической наукѣ и тотъ жизненный инте-

ресъ, который имѣетъ для русскихъ нынѣ все сильнѣе дающій себя чувствовать такъ называемый „нѣмецкій“ вопросъ. Несмотря на то, что непосредственное вліяніе западной образованности на Россію, объединенную Москвою, произошло въ формѣ культуры, росшей по преимуществу на почвѣ германо-протестантской, вопросъ о протестантствѣ и протестантахъ въ Россіи слишкомъ долго не ставился прямо въ нашей исторической наукѣ для правильной и систематической разработки. Въ то время, какъ были видные труды о византійскомъ у насъ вліяніи и отчасти о католичествѣ, въ то время какъ много было положено труда на разработку вопроса о норманизмѣ и татарщинѣ, судьба протестантства и протестантовъ и соединеннаго съ тѣмъ вліянія, за нѣкоторымъ исключеніемъ, впрочемъ, судебъ московскихъ церковныхъ общинъ [1]), затрогивались лишь мелькомъ, случайно, эпизодически, и только объединительныя попытки [2]), произведенныя въ послѣднія десятилѣтія, выдвигали ту или иную болѣе или менѣе частную сторону вопроса.

Недостаточность свѣдѣній о протестантствѣ и иноземцахъ зависитъ отъ того, что они долго черпались у насъ не столько изъ русскихъ источниковъ, сколько изъ сочиненій иностранныхъ писателей о Россіи. Послѣдніе обыкновенно дѣлали замѣтки о жизни своихъ единовѣрцевъ и соотечественниковъ на-лету, мелькомъ, весьма часто по слухамъ, или заимствуя у ихъ предшественниковъ, однако нерѣдко безъ означенія источника и какъ бы отъ своего имени, и всему сообщаемому придавали собственную окраску. Отсюда, у нихъ—отрывочность, неполнота, часто неточность и непримиримыя противорѣчія фактовъ и всегда чуждый намъ взглядъ на вещи, отсутствіе пониманія и игнорированіе дѣйствительныхъ православно-русскихъ интересовъ. Располагая такимъ матеріаломъ, русскій изслѣдователь постоянно будетъ находиться въ крайнемъ затрудненіи при созданіи полнаго, связнаго и правдиваго повѣствованія о жизни иновѣрцевъ; въ толкованіи этихъ извѣстій не можетъ имѣть подъ собою вполнѣ надежной почвы. Данныя, въ этомъ отношеніи ничѣмъ не замѣнимыя, могутъ дать лишь русскіе архивные и рукописные источники, и въ особенности хранящіеся въ московскихъ архивахъ—Министерства

---

[1]) Объ относящихся сюда сочиненіяхъ см. 36—39 стран. нашего изслѣдованія.

[2]) О нихъ тамъ же, стр. 39—41, 513, 523—524, 697.

иностранныхъ дѣлъ, Министерства юстиціи, Оружейной палаты, и московскихъ библіотекахъ — Синодальной, бывшей патріаршей, Московскаго Румянцевскаго музея и другихъ. При изученіи ихъ, множество событій, извѣстныхъ по иностраннымъ сказаніямъ, явятся въ совершенно иномъ свѣтѣ; многіе факты найдутъ свое хронологическое мѣсто; немало случаевъ, стоявшихъ одиноко, получатъ посредствующія звенья для связи съ другими, имъ сродными, или откроются вереницы новыхъ фактовъ, дающія возможность на постановку совершенно новыхъ частныхъ вопросовъ. При непосредственномъ ознакомленіи съ архивными документами какъ бы обдастъ изслѣдователя вѣяніемъ древне-русской жизни, откроется ему русскій взглядъ на событія, то, чѣмъ руководились наши предки въ своихъ отношеніяхъ къ иновѣрію и иноземцамъ. Читая допросы, чинившіеся пріѣзжимъ иностранцамъ въ московскихъ приказахъ, разсматривая различныя подлинныя рѣшенія по иновѣрнымъ и иноземческимъ дѣламъ, изслѣдователь пойметъ, какъ случилось то, что „московскіе простецы“ не давались въ руки ловкимъ западнымъ выходцамъ и даже самыхъ завзятыхъ изъ нихъ искусниковъ умѣли заставлять служить русскимъ интересамъ. Сопоставленіе же русскихъ источниковъ и пособій съ иностранными, въ ихъ потребной совокупности, и тщательное совмѣстное изученіе ихъ дѣлаютъ, наконецъ, для него возможнымъ не одну обрисовку самыхъ иностранцевъ и ихъ дѣйствительнаго положенія у насъ, но вмѣстѣ и созданіе вѣрной картины распространенія и усвоиванія иноземной стихіи новаго знанія и культурнаго обычая въ различныхъ областяхъ государственно-общественной и частной русской жизни.

Испытавъ и на себѣ вліяніе архивныхъ документовъ, мы, прежде всего, рѣшились издать по крайней мѣрѣ наиболѣе важные изъ нихъ—въ увѣренности, что изученіе каждаго историческаго предмета лишь тогда можно считать прочно поставленнымъ, когда оно основано на непосредственномъ знакомствѣ съ первоисточниками и когда послѣдніе не только приведены въ извѣстность, но и сведены въ особые, однородные по содержанію сборники; тѣмъ осязательнѣе приходится это сознавать при изученіи такого широкаго, сложнаго и сравнительно новаго у насъ вопроса, каковъ протестантскій. Одинъ томъ матеріаловъ уже изданъ нами въ „Чтеніяхъ Имп. Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ и выпущенъ отдѣльно, для слѣдующихъ то-

мовъ матеріалы уже собраны. Эти книги должны служить приложеніемъ къ нашимъ сочиненіямъ по данному предмету.

Богатство матеріала, превзошедшаго первоначальныя мои ожиданія, и свойства этого матеріала, обнаруживавшаго, что вопросы, извѣстные изъ временъ преобразованій, были въ большинствѣ подняты и рѣшаемы именно въ до-реформенное время, вмѣстѣ съ тѣмъ, побудили меня надолго перенести центръ тяжести своихъ работъ изъ эпохи Преобразованій, гдѣ онѣ были сначала мною сосредоточены, въ болѣе ранній, до-реформенный періодъ.

Масса рукописныхъ документовъ, которые предстояло изучить въ одномъ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ нерѣдко они представлены цѣлыми тысячами листовъ, положеніе предмета въ нашей наукѣ и та постановка, какую мы имѣли въ виду, вели насъ къ выполненію и этой задачи пока по частямъ, по отдѣльнымъ вопросамъ. Одновременно съ появленіемъ нашихъ монографій о протестантахъ шла работа и надъ нѣкоторыми сторонами изъ исторіи католичества и католиковъ въ Московскомъ государствѣ, такъ какъ одно способствовало здѣсь пониманію и выясненію другаго. Не считаемъ нужнымъ умолчать, что указанія и ободрительныя мнѣнія оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ критиковъ, суду которыхъ постепенно подвергались частныя наши работы, поддерживали въ насъ энергію въ собираніи и обработкѣ матеріала для общаго труда, представлявшаго для насъ въ данномъ случаѣ вѣнецъ желаній.

Кругъ доступнаго точному знанію изъ исторіи протестантства и протестантовъ до эпохи Преобразованій достигъ теперь той существенной полноты данныхъ, которая приводитъ къ разностороннимъ научнымъ выводамъ и положеніямъ, и настоящее изслѣдованіе, являющееся по преимуществу объединеніемъ прежнихъ нашихъ работъ за соотвѣтствующую пору, служитъ результатомъ нашихъ посильныхъ изысканій въ избранной области. Задача его такимъ образомъ—изложить и выяснить съ возможною цѣльностью, полнотой и документальностью такъ называемый германо-протестантскій или нѣмецкій вопросъ въ до-реформенной, политически самостоятельной Россіи и показать, какъ постепенное разрѣшеніе его подготовляло въ ней почву для широкихъ гражданскихъ реформъ послѣдующей исторической эпохи, съ ихъ извѣстными свойствами и сторонними пособниками.

Въ какой мѣрѣ облегчено теперь точное знаніе и пониманіе избраннаго нами вопроса, насколько безошибочны наши выводы и положенія [1]) и правильнымъ ли путемъ шли мы въ своихъ продолжительныхъ научныхъ разысканіяхъ, — объ этомъ судить, конечно, прежде всего ученымъ спеціалистамъ по русской исторіи и по исторіи русскаго права [2]).

Дм. Цвѣтаевъ.

---

[1]) Важнѣйшіе изъ нихъ формулированы во введеніи къ книгѣ и указаны въ тезисахъ; послѣдніе мы встрѣтили потомъ перепечатанными въ одномъ изъ отчетовъ о нашемъ диспутѣ („Прав. Обозрѣніе“, 1890, №№ 11—12).

[2]) Кромѣ сужденія одного изъ оффиціальныхъ нашихъ оппонентовъ, наиболѣе обстоятельные критическіе разборы книги до сихъ поръ представлены въ журналахъ — „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (1890, іюньск. кн., 151 — 163 стр.) И. А. Лебедевымъ, „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ (1890, IX) проф. В. З. Завитневичемъ, „Вѣстникѣ Европы“ (1890, IX) „Русскомъ Вѣстникѣ (1890, IX, статьи безъ подписи) и въ „Russische Revue“ (1891, I, 129—148) знатокомъ западно-европейскаго вопроса въ Россіи, проф. А. Г. Брикнеромъ.

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

2007041007